

29. Дойдя до этого в своей речи, я желаю вознести мольбу относительно своих любимцев. О если бы, государь, тебя пленила любовь к философии и истинной образованности! Ибо из того, что я сказал прежде, необходимо следует, что у тебя будет много в этом соперников, и пусть они будут в какой-нибудь чести и уважении.

В настоящее время, когда она [любовь к философии] считается презренной, есть опасность, что она погаснет совершенно, и в данный момент даже не существует никакого облегчения тем, которые желали бы ее воспламенить. Но разве только о философии я выражаю пожелания? Разве ей будет хуже, если она будет удалена от сообщества людей? Но она помещает свой очаг у бога, о котором много заботится, когда пребывает здесь. А если ее, сошедшую на землю, здесь не принимают, она остается у своего отца, справедливо говоря нам:

„Не нуждаюсь в этой я чести. И так воля Зевеса
Меня вознесла“.¹

Дела же человеческие в зависимости от ее присутствия и отсутствия становятся хуже и лучше и даже достигают вершин счастья и бездны неудач. Поэтому за них и за философию я возношу мольбы.

О если бы даровал бог и я осуществил то желание, которое выразил Платон,² но не добился его осуществления! О если бы я видел, что в тебе философия соединилась с государственной властью! Никто тогда не услышит более моих рассуждений о государстве. Ибо время уже замолчать, так как в одной речи я охватил все. Насколько я смог, я дал то, к чему стремился сначала, обещая в своей речи показать тебе образ государя.

Поистине моя речь является только тенью предмета. Тебя же прошу оживить его и сделать реальностью. И я увижу это спустя короткое время, и ты возвратишь мне образ государя, если мои речи не проскользнули мимо твоих ушей, но влились в них и внедрились в глубине твоей души. Я убежден, что не без божественного промысла философия устремилась к этому увещанию, но по внушению божества, которое, как легко предположить, желает улучшить твои дела. Я же по справедливости буду первый наслаждаться всходами моих посевов, увидя тебя в действительности таким государем, каким рисовал в идеале, когда приготовил и держал речь о нуждах городов.

ВИЗАНТИЙСКАЯ САТИРА „ТИМАРИОН“

(Перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Предисловие Е. Э. Липшиц)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Византийская сатира „Тимарион“ написана неизвестным писателем XII в. Диалог представляет собой один из редких в византийской литературе образцов светской сатирической прозы.

Греческий текст „Тимариона“ привлек к себе внимание исследователей еще в самом начале XIX в. В одной из рукописей Ватиканской Библиотеки, вывезенной Наполеоном во Францию, текст этот

¹ Слова Ахилла — Гомер. Илиада, IX, 607.

² Платон. Политика или государство, СПб., 1863, стр. 284 (перевод Карпова).

следует за сто сорока девятью диалогами Лукиана. Он был издан в 1813 г. Б. Газе вместе с полным латинским переводом и обширным комментарием.¹ В 60-х годах XIX в. А. Эллиссен переиздал „Тимарион“ с немецким переводом и значительной частью комментария Газе.² На русском языке „Тимарион“ в полном виде появляется впервые.³ Этому интересному литературному памятнику был посвящен ряд исследований.⁴ Тем не менее многие важные вопросы, связанные с его происхождением, остаются не только не разрешенными в буржуазной литературе, но и вовсе не поставленными. Буржуазные исследователи, интересовавшиеся по преимуществу вопросом о соотношении этого диалога с произведениями Лукиана и идентификацией выведенных в Тимарионе персонажей с известными византийскими деятелями, не делали даже попытки раскрыть социальный смысл сатиры, выяснить классовое лицо ее автора и определить сущность его воззрений. Между тем эти вопросы чрезвычайно важны не только для оценки „Тимариона“ как литературного произведения, но и для понимания тех явлений общественной жизни и культуры, которые в нем отражены.

Задача всестороннего изучения „Тимариона“, представляющего собой выдающийся литературный памятник и своеобразный исторический источник, не может быть, разумеется, решена в кратком введении, которое лишь намечает основные пути для его анализа.⁵

Сатира написана в часто использовавшейся в византийской литературе диалогической форме, в форме живой беседы Тимариона с его другом Кидионом, которому он рассказывает о необыкновенном исходе своего путешествия на фессалоникскую ярмарку. Заболев на обратном пути, он оказался переброшенным в полумертвом состоянии в преисподнюю, где встретил много знакомых и ему и Кидиону людей.

Таким образом автор, пользуясь приемом Лукиана (в частности, Некромантии), переносит действие в основном в загробный мир и дает ряд критически заостренных характеристик деятелей своего времени, повидимому, недавно умерших.

Однако прежде, чем повести своего героя в преисподнюю, автор знакомит его с эгоном Фессалоники Палеологом (гл. 6—9), который охарактеризован в диалоге в самых хвалебных тонах. Эпитеты, прилагаемые Тимарионом к Палеологу, находят весьма близкие аналогии в других византийских панегириках второй и третьей четверти XII в., как, например, в „Надгробном слове“ Ирине-Берте Зульцбахской, жене

¹ B. Hase. Notices et extraits des Manuscrits de la Bibliotheque Nationale, t. 9, 1813.

² A. Ellissen. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur, Bd. IV, Leipzig, 1860.

³ Перевод описания ярмарки в Фессалонике из „Тимариона“ см. в „Сборнике документов по социально-экономической истории Византии“, М.—Л., 1951, стр. 212—213.

⁴ Ср., например, H. F. Tozer. A Byzantine Satire. „Journal of Hellenic Studies“, II, 1881; M. Treu. Ein Kritiker des „Timarion“, „Byzantinische Zeitschrift“, I, 1892; J. Dräseke. Michael Psellos im „Timarion“, „Byzantinische Zeitschrift“, VI, 1897; Его же. Byzantinische Hadesfahrten, „Neue Jahrbücher für das klassische Altertum“, 29, 1912; C. Diehl. Communication sur le Timarion, „Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres“, 1929; Его же. La légende de l'empereur Théophile, „Seminarium Kondakovianum“, v. V, 1931; H. Tode. De Timarione dialogo byzantino, Greifswald, 1912 (diss.) Ср. рец. J. Dräseke. „Wochenschrift für klassische Philologie“, 1913, s. 1422 ff. и „Byzantinische Zeitschrift“, Bd. XXII, 1913, S. 211.

⁵ Не лишняя интереса попытка дать ответ на некоторые вопросы, связанные с „Тимарионом“, была предпринята Н. А. Карповой в дипломной работе, защищенной в ЛГУ в 1948 г.

императора Мануила Комнина, написанном фессалоникским архиепископом Василием Охридским.¹

Упоминание о встрече героя сатиры с Палеологом дает важные указания на время создания этого анонимного произведения.

Еще Газе установил тот факт, что описанный в „Тимарионе“ эгемон Фессалоники был не кто иной, как известный политический деятель первой половины XII в. севаст Михаил Палеолог, сын Георгия Палеолога и Анны Дуки.²

Сведения о жизни, деятельности и времени смерти Михаила Палеолога, дающие возможность установить *terminus ante quem* написания сатиры, содержат и греческие, и латинские источники XII в.

Иоанн Киннам, современник Мануила Комнина, рассказывает о севасте из дома Палеологов, который императором Иоанном по неизвестной причине был сослан, а при Мануиле возвращен из ссылки.³ Позднейшая судьба Палеолога была выяснена В. Г. Васильевским.⁴ Собранные им данные свидетельствуют о том, что Михаил Палеолог не надолго пережил взятие греками Бари в 1155 г.⁵

Таким образом, время возможного пребывания его на посту эгемона Фессалоники следует относить к периоду до ссылки его, о которой говорит Киннам и которая имела место в правление Иоанна Комнина (1118—1143 гг.).⁶

На обратном пути с ярмарки, ярко описанной в диалоге, герой сатиры, отрекомендовавший себя как философ и уроженец Каппадокии, „находящейся за пределами империи“ (ἐγὼ δὲ, ἄτε Καππαδοκίης ἐκ τῆς ὑπερρορίου) (гл. 5), тяжело заболел.

Полумертвый от болезни, потеряв желчь — один из составляющих его организм элементов, герой был перенесен двумя проводниками в подземное царство.

Именно здесь и разворачивается действие сатиры. Среди мертвецов, встречающихся Тимариону на его пути в суд мертвых и на обратном пути из суда, оказываются политические деятели, писатели и ученые, известные из истории Византии и античного мира.

Если первый из них — старец, „родом из Великой Фригии“, „отпрыск знатной и прославленной семьи“ (гл. 18) — может быть лишь предположительно отождествлен с кем-то из предков эгемона Михаила Палеолога,⁷ то в отношении второго автор вполне определен.

Лежащий в шатре, мучительно и горько страдающий человек с выколотыми глазами, к которому автор относится с живой симпатией, — это не кто иной, как византийский император Роман Диоген (1067—

¹ В. Г. Васильевский. Василия Охридского, архиепископа (митрополита) Солунского, незаданное надгробное слово. „Византийский Временник“, т. I, 1894, стр. 105 сл.

² В. Насе. Ук. соч., стр. 153. Точку зрения Газе разделяет и F. Chalandon. Jean II Comnène et Manuel Comnène, Paris, 1912, p. 219.

³ Cinnamus. Epitome, rec. A. Meineke, Bonn, 1836, II, 17; ср. Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов, СПб., 1859, стр. 75.

⁴ В. Г. Васильевский. Из истории Византии в XII в. Южно-Итальянская война. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 113 сл.

⁵ Иоанн Киннам. Ук. соч., стр. 166; Cinnamus. Ук. соч., IV, 7; Otto Freisingen. Gesta Friderici, III, 23. MGH SS, t. XX, 1868, p. 156. См. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 119.

⁶ В. Насе (Ук. соч., стр. 157) относит его пребывание в Солуши к концу 30-х годов XII в.

⁷ A. Ellissen. Ук. соч., стр. 163.

1071). „Незнакомец был хорошего роста и хотя не очень плотен, ширококост и с мощной грудью“ (гл. 20).¹

Автор „Тимариона“, рассказывая вкратце историю Романа Диогена, упоминает о том, что он был не только ослеплен, вследствие предательства, но был еще и отравлен своими врагами.²

Старик, сидящий рядом с ним — „один из знатнейших людей Великой Фригии (πρεσβυτης τῶν εὐπατριδῶν ἐστι τῶν κατὰ τὴν μεγίστην Φρυγίαν)“, вероятно, может быть отождествлен с Качатуром, одним из полководцев императора Романа.³

Следующим человеком, с которым Тимарион встретился, был знаменитый ритор Феодор из Смирны, занимавший кафедру риторики (πρῶτος, ἑπὶ τῶν φιλοσόφων) в Константинополе.

Последователь Аристотеля и автор нескольких философских произведений, Феодор из Смирны был участником церковного собора, состоявшегося при императоре Алексее Комнине и патриархе Николае III (1084—1111 гг.),⁴ может быть, именно того, который осудил ученика Иоанна Итала — Нила и учение богомилов.⁵

Затем Тимарион знакомит своего друга с императором Феофилом, который, по словам автора, занял место в суде царства мертвых рядом с Асклепием, Эаком, Миносом, Гиппократом, Эрасистратом и Галеном.

По характеристике Тимариона, „Феофил“, который был некогда императором в Византии, вместе с ними творит ныне суд, и ни одно решение не имеет силы без его согласия. „Ты, конечно, знаешь, — говорит Тимарион Кидиону, — от тех, кто описывал его жизнь, сколь бесконечно справедлив он был“... (гл. 29). Немного далее он отмечает (гл. 33), что в то время, как на эллинах была богатая одежда, на Феофиле „ничего пышного и яркого не было... он был одет с величайшей простотой и даже небрежно во все темное“. Император Феофил (829—842 гг.), о котором здесь идет речь, известный своей иконоборческой деятельностью, и авторами других источников характеризуется как придерживавшийся политики показного демократизма. С его именем были связаны некоторые популярные в Византии анонимные сказания⁶ о раскаянии Феофила, „о добрых деяниях императора Феофила“, ставившие целью оправдать в глазах потомства „опорочившего“ себя приверженностью к иконоборческой ереси Феофила. Эти сказания, созданные, вероятно, вскоре после восстановления иконопочитания в кругах, близких к его вдове Феодоре, рисуют Феофила справедливым и доступным, лично творящим суд императором; они отразились в хрониках продолжателя Феофана и псевдо-Симеона,⁷ и их, повидимому, имеет в виду автор „Тимариона“.

¹ Характеристика внешности Романа Диогена в диалоге вполне согласуется с показаниями других источников. Ср. Н. Скабаланиович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб., 1884, стр. 99.

² Может быть, Иоанном Дукой. См. J. Dräseke. Michael Psellos im Timarion, S. 485, где проведено сопоставление данных по этому вопросу, имеющихся в источниках.

³ Таково было предположение Б. Газе, отвергнутое А. Эллиссеном и И. Дрезеке. Последний предполагал, что в лице этого старика изображен Михаил Пселл, — гипотеза, на наш взгляд, мало вероятная.

⁴ A. Ellissen. Ук. соч., стр. 15. Ср. В. Насе. Ук. соч., стр. 146.

⁵ См. об этом соборе Ф. И. Успенский. Богословское и философское движение в Византии в XI—XII вв. ЖМНП, ч. 277, 1891, стр. 146—147.

⁶ См. W. Regel. De Theophili imperatoris benefactis. Analecta byzantino-rossica, Petropoli, 1891, p. 40—43.

⁷ Theophanes Continuatus, ed. Bonn, 1838, p. 87 sq., ibid., p. 627 sq.

В суде Тимарион встретился со знаменитым философом, ученым и политическим деятелем XI в. Михаилом Пселлом. Автор, правда, не называет его по имени, но весь характер описания, не лишнего доли иронии, дает все основания для такого отождествления.

Пселл выведен в „Тимарионе“ дважды: в суде (гл. 41) герой увидел „некоего софиста из Византии, который... благодаря своим способностям и ловкости давно уже исполнял в судилище эти обязанности [составителя судебных протоколов — Е. Л.]“. „Сейчас (сказали Тимариону служители) ты сам увидишь... как быстро он продикует писду только что вынесенный приговор“. „Итак, после краткого перерыва судьи послали за ним, и когда софист в сопровождении Аристарха появился, шаг за шагом перечислили ему отдельные пункты своего решения. Софист тотчас же принялся диктовать, заметно заикаясь, так как и здесь не избавился от своей кривой губы“ (ὕποφελλίζων τὰ πάλαι οὖτω γὰρ τὴν ἀγκυλόττητα τοῦ χείλους ἀπέβαλεν).

Эта характеристика Пселла дополняется несколькими параграфами ниже (гл. 45), где рассказывается, как „давешний софист из Византии“ пришел к философам и софистам. Первые, хотя и встретили его радостно, не приглашали его сесть и разговаривали с ним стоя. Вторые же „оказали ему большие почести: все как один встали при его появлении. Когда византиец уставал, он либо садился тут же, в их кругу, либо покоился на возвышении, в кресле, которое ему приносили. Все восхищались прелестью и сладостью его речей, ясностью и простотой слога, плавностью манеры и умением так подбирать слова, чтобы они соответствовали и приличествовали какому угодно содержанию. Часто софисты, видя его, повторяли „О светозарный император“. Последнее обращение взято из сохранившейся в двух рукописях Лаврентианы речи Пселла, начинающейся словами „ὦ βασιλεῦ ἦλιε“.¹

Воздавая таким образом должное Пселлу как софисту и писателю, владеющему хорошим слогом, автор однако достаточно тонко намекает на то, что он отнюдь не считает Пселла философом, достойным занять место в ряду перечисленных им античных мудрецов — Парменида, Пифагора, Мелисса, Анаксагора, Фалеса и других основателей философских школ.

Тимарион, характеризуя этих античных философов, знакомит своего друга и с двумя людьми, которых мудрецы гнали и отталкивали. Первый из них был Диоген, основатель кинической школы (гл. 43), а второй — византийский ученый XI в. Иоанн Итал. Попавшего в преисподнюю Иоанна Итала Пифагор упрекает за то, что тот, будучи по облику христианином, „надев на себя одежду истинного галилеянина“, пытался общаться с языческими философами. Пифагор предлагает Иоанну избрать либо одно, либо другое (гл. 44). Автор называет Иоанна Итала кичливым „Константинопольским отребьем“ и заставляет его лаять и кусать Диогена. Древние мудрецы смеются над Иоанном Италом, считая его не достигнувшему ничего в грамматике автором писаний, явившихся общим посмешищем, а сам Иоанн тщетно обращается к диалектике Аристотеля и к силлогизмам, с помощью которых он мог бы разбить своих противников.

Эта картинка — злая карикатура на одного из наиболее крупных философов Византии XI в.

¹ Bandini. Catalogus codicum Graecorum in bibliotheca Laurentiana, t. II, Florentia, 1768, p. 415; Plat. LVII, cod. Gr. XL, № 37. Ср. A. Ellissen. Ук. соч., стр. 178—179, 183.

Иоанн Итал, по словам Ф. И. Успенского, подвергся церковному отлучению за то, что он „не согласовал свою философскую систему с церковным учением“.¹

О деятельности Итала подробно рассказывает Анна Комнина,² которая относится к нему так же недоброжелательно, как и автор „Тимариона“.

По словам Анны Комнины, Иоанн Итал был родом из Италии и прожил долгое время в Сицилии. Сицилийцы, восстав против власти ромеев, призвали на помощь итальянцев, среди которых был и отец Итала. Он привел с собой сына, который хотя и не был еще достаточно взрослым, чтобы вступить в войско, однако следовал за отцом и изучал военное искусство итальянцев. Когда же Георгий Маниак, взбунтовавшись, занял Сицилию, отец Итала со своим сыном бежали в фему Лангобардия, находившуюся под властью византийского императора.

Оттуда Иоанн Итал попал в Константинополь, „славившийся, — по словам Анны Комниной, — наукой и словесным искусством“. „Ибо со времени Василия Порфирородного и до Мономаха, хотя образованность и была в пренебрежении у большинства, но не совершенно еще заглохла. Во время же императора Алексея она оживилась и поднялась и пользовалась вниманием у любителей просвещения“.

Далее Анна Комнина подробно рассказывает об обучении Итала. Итал стал учеником Михаила Пселла, „который, хотя и не особенно много посещал учителей, но благодаря природным способностям и остроте ума, а может быть, и вследствие божьей помощи, ... достиг вершин учености, овладел эллинской и халдейской наукой (τὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ τῶν Χαλδαίων) и был в те времена знаменит своей мудростью. Но занимаясь с ним, Итал, будучи по характеру своему варваром, чуждым просвещения, не мог проникнуть в сущность философии. Учителей он не выносил даже во время обучения и, полный дерзости и варварского нахальства, считал, что и не учившись, имеет перед всеми преимущество, и на первых же уроках поспорил с самим Пселлом. Изучив диалектику, он ежедневно производил смятение в публичных собраниях, подбирая софистические остроты и излагая весь предмет в софистической форме“.

Иоанн был, как говорит Анна, приближен ко двору Михаилом Дукой и его братьями, хотя его и считали „ниже Пселла“.

Рассказав затем о его предательстве во время миссии, возложенной на него в Эпидамне, о его бегстве в Рим и поселении (после возвращения в Константинополь) в монастыре Пиги при церкви Сорока мучеников, она сообщает затем, что после пострижения Пселла Итал занял его место и стал ипатом философов, занимаясь объяснением сочинений Аристотеля и Платона.

Следующая затем характеристика Итала вполне аналогична той, которая дана в „Тимарионе“: „Пользуясь славой многоначитанного человека, он в сущности был сильнее всех лишь в истолковании весьма трудной философии перипатетиков, а главное — в диалектике. В других науках он не имел особенных сведений: в грамматике спотыкался и не отведал нектара риторики. Вследствие этого речь его не была стройна и не имела изящества, отличием ее была жесткость и напыщенность,

¹ Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 107.

² Анна Комнина. Alexias, rec. L. Schopenus, v. I, Bonn, 1839, p. 256 sqq. Ср. Анна Комнина. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, СПб., 1859, стр. 245 сл.

слово его соответствовало нахмуренным бровям и пропитано было суровостью... Особенно искусный в диалектике, он душил противника непрерывным рядом вопросов, спутывая и смущая его ум. Кто раз попал в его дебри, уже не выбирался из них. Вообще он был весьма невоспитан и слишком подчинялся порывам... Ибо разговор он вел и языком и руками; ему мало было привести собеседника в недоумение и заградить уста его молчанием, рука его вцеплялась еще в бороду и в волосы и оскорбление следовало за оскорблением“.

Давая затем его портрет, Анна Комнина отмечает, что он хотя и знал греческий язык, но произношением походил на иноземца, не чисто произносил и коверкал слоги, говорил „по-деревенски“.

В сходных чертах Анна Комнина рисует и учеников Иоанна Итала, „которых она потом часто видела во дворце; ни одной науки они не знали в точности, выдавали же себя за диалектиков беспорядочными движениями и страстными кривляниями“.

Быть может к их числу и следует отнести того спутника Итала, который так неслестно охарактеризован в „Тимарионе“ (гл. 43).

Учение Итала было осуждено в 1082 г. императором Алексеем Комниним; церковный суд предал Итала анафеме и повелел заключить в монастырь.¹ Отражая эти события, автор „Тимариона“ говорит, что Итал был „ненавистен даже галилеянам“.

Одной из наиболее бросающихся в глаза черт диалога является то исключительное внимание, которое автор уделяет вопросам медицины. Уже самая болезнь и перемещение Тимариона в загробный мир трактуется автором в плане сатиры на учение античных медиков, якобы гласившее, что „человеку невозможно существовать, лишившись одного из четырех, составляющих его организм элементов, хотя бы тело его было в остальном еще крепким“ (гл. 13).

Резко критически оценивая врачебные познания Асклепия, Гиппократа и Эрасистрата, Феодор из Смирны, — а вместе с ним и автор, отдает явное предпочтение Галену, которому он присваивает эпитет „божественный“ (θεϊνός). Однако и его труд „О различных видах лихорадок“ (περί διαφορᾶς πυρετῶν)² страдает, по мнению Феодора, значительными пробелами. „Как-то он даже сказал, что дополнения будут больше того, что уже написано“ (гл. 29).

В еще более резкой форме автор осуждает Асклепия при описании сцены суда: „Лицо его было скрыто сверкающим покрывалом из золотых нитей, прозрачным лишь настолько, чтобы Асклепий мог все видеть, оставаясь сам невидимым — суетная гордыня терпящего пренебрежение божества“.

Оправдание Тимариона и осуждение проводников его в загробный мир, следовавших букве медицинских суждений Гиппократа и Асклепия, завершает эту критическую оценку.

Интерес автора „Тимариона“ к медицинским вопросам не случаен. В составленном Николаем Месаритом в конце XII в. описании Константинопольского университета, находившегося в подворье церкви Апостолов, особое внимание уделено его медицинскому факультету, где живо обсуждались вопросы того же порядка, как и те, о которых шла речь, примерно, на полустолетие раньше в „Тимарионе“.³

¹ Ф. И. Успенский. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. „Известия Русск. археол. института в Константинополе“, II, 1897, стр. 3—8.

² См. Mewaldt. Gallenos, in Paulys Real-Encyclopädie, VII, 1912. Sp. 586.

³ Ср. А. Heisenberg. Die Apostelkirche in Konstantinopel, Leipzig, 1908. S. 93.

Интерес к медицине и увлечение медицинскими спорами в Константинополе в конце XI и начале XII в. засвидетельствован также Анной Комниной, рассказывающей о профессоре медицины (*διδάσκαλος τῶν ἰατρῶν*) Николае Калликле, который лечил ее отца.¹ Николай Калликла был приглашен для консультации к заболевшему императору. Однако, по словам Анны Комнины, Николай Калликла при обсуждении характера болезни остался в меньшинстве.

Из переписки Феофилакта Болгарского с Николаем Калликлом известно, что последний был знаменитым врачом и имел хорошую медицинскую библиотеку.

Любопытно отметить, что Николай Калликла был в чрезвычайно близких отношениях с семьей Палеологов, которой неизвестный автор сатиры уделяет столь большое внимание и к которой он выказывает столь большое уважение. Два известных стихотворения Николая Калликла обращены к членам семьи Палеологов и, в частности, к матери эгемена Михаила Палеолога Анне Дуке.

Сочинения Николая Калликла еще недостаточно обследованы² и частично остаются неизданными. Дальнейшие исследования покажут, не можем ли мы увидеть в этом враче и писателе, безусловно близком к семье Палеологов, неизвестного пока автора „Тимариона“. В пользу этого предположения говорят не только медицинские интересы автора диалога, но и время создания сатиры, относимой и по другим признакам к середине XII в. Во всяком случае несомненно, что сатира возникла в кругах, близких ко двору Комнинов.

Автор „Тимариона“ объектом своей критики избирает именно тех прогрессивных ученых, которых критиковали и во дворце Комнинов. Так, наиболее предвзятой следует признать ту оценку, которая дана Иоанну Италу и его единомышленникам. Автор сатиры полностью разделяет точку зрения на Иоанна Итала, которая господствовала при дворе Комнинов и была ярко выражена Анной Комниной, высмеивавшей этого выдающегося ученого. Уже из этого одного можно было бы заключить о том, что сатира вышла из кругов, близких ко двору.

С придворной литературой Комнинов роднит сатиру весь ее стиль и прежде всего пристрастие к цитатам из Гомера, поэмы которого стали в придворных кругах излюбленным чтением и предметом подражания. Достаточно напомнить тот факт, что жена Мануила Комнина Ирина-Берта прославлялась Иоанном Цецем как величайшая почитательница Гомера, „гомеричнейшая“ царица.³ Видный сановник Константин Котерди покровительствовал Иоанну Цезю, работавшему над поэмой, в которой аллегорически истолковывалась „Илиада“ Гомера.⁴ Комментари к Гомеру писал, как известно, и Евстафий Солунский.

Равным образом, подобно Анне Комниной, автор весьма сдержанно относится к Пселлу.

Дань восхищения он отдает лишь эгемону Фессалоники — Палеологу, родственнику императорской семьи. Неудивительно поэтому, что в сатире мы тщетно будем искать каких-либо ноток недовольства существующим общественным строем. Описывая загробный мир, автор указывает, что и там, как и на земле, остается нерушимым деление на богатых

¹ Анна Комнина. *Alexias*, v. II, 1878, p. 367.

² Ср. С. П. Шестаков. Три поэта византийского ренессанса, „Ученые Записки Казанского университета“, 1906, VI—VIII, стр. 1—36.

³ В. Г. Васильевский. Василия Охридского неизданное надгробное слово, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 93.

и бедных. Последние его не интересуют. Не на них и рассчитано все произведение, написанное в духе подражания Лукиану на языке, далеком от разговорного.

Известное свободомыслие автора в вопросах религии, сказавшееся в самом замысле диалога, рисующего загробный мир в сатирической форме, и в том, что в суде мертвых одним из судей выведен иконоборец Феофил, могло быть проявлено при византийском дворе XII в., где подобного рода идеи были модными.

ТИМАРИОН

1. Кидион: Тимарион, добрый друг! „Ты, ненаглядный мой свет, Телемак, возвратился“.¹ Но что до сих пор мешало тебе вернуться? Ведь ты обещал скоро быть обратно. „Молви, в мечтах ничего не таи, пусть мы оба узнаем“,² — тебе предстоит говорить со своим старинным и вновь обретенным другом.

Тимарион: Милый Кидион, раз уж ты, стремясь услышать о моих несчастьях, напомнил творения Гомера, придется и мне в своем рассказе заимствовать стихи у трагических поэтов, чтобы повесть возвышенных страданий облеклась у меня в столь же возвышенные слова.

Кид.: Говори же, любезный Тимарион, не медли, чтобы не разжигать более моей жажды, и не мучай меня дольше.

Тим.: „Увы, зачем коснулся, хочешь вновь раскрыть“³ и „Зачем“, как говорится, „влечешь нас от стен Илиона?“⁴ Впрочем, пусть прологом к моему рассказу послужат стихи Еврипида; ведь от них будет удобно перейти к столь же печальному.

„Нет страшных зол и нету слова их назвать,
Тяжелых бед и мук, сужденных божеством,
Что снести не могут плечи мужа смертного“.⁵
„Нет на земле существа злополучнее смертного мужа“.⁶

Поверь, милый друг, если я тебе расскажу все, что со мной происходило день за днем, ты, конечно, предпочтешь, чтобы я молчал и вовсе не говорил, хотя сейчас и жаждешь моей повести.

II. Кид.: Начни же, добрейший, свою историю, пока не скрылось солнце и не наступил час, когда принято распрягать быков; ведь мне ради важного дела надо еще засветло выбраться домой.

Тим.: Кидион, друг мой, ты слышал от меня еще до того, как я распрощался с тобой, сколь благочестива и угодна богу была цель моего путешествия. Поэтому нет нужды мне повторять, а тебе слушать уже известные вещи. Так вот, с тех пор, как я, распрошавшись с тобою, покинул город, божья помощь сопутствовала мне и уготовила счастливую дорогу и озаботилась о всякой малости на моем пути. Чтобы

¹ Гомер. Одиссея, XVI, 23 (перевод Жуковского).

² Гомер. Илиада, I, 363 (перевод Минского). В дальнейшем во всех случаях, где нет специальных оговорок, цитируем „Одиссею“ в переводе Жуковского. „Илиаду“ — в переводе Минского.

³ Еврипид. Медея, 1317 (перевод наш. — С. П. и И. Ф.).

⁴ Гомер. Одиссея, IX, 39 (стих перефразирован).

⁵ Еврипид. Орест, 1—3 (перевод наш. — С. П. и И. Ф.).

⁶ Гомер. Илиада, XVII, 446 сл. (перефразировано).